

Тепло и солнце в середине октября у нас большая редкость, и не воспользоваться таким подарком грех, потом будешь жалеть. Нет, мы любим, конечно, порассказывать (особенно приедем, особенно с юга), какие мы все тут закалённые, такие убеждённые романтики-полярники с сосульками в бородах, сызмальства привыкшие ночевать в сугробах; но спросите у любого сибиряка за пятьдесят, хочет ли он с ноября до Нового года или с Рождества до 23 Февраля провести в спячке, и половина точно согласится.

Потому что слишком уж долго тянется зима. Ну ладно бы месяц-два – это даже бодрит, разнобразит выходные: и блеск снежинок под фонарём, и деревья в инее, и коньки-лыжи, и красотики с мороза раскрасневшиеся – всё это и впрямь замечательно. Ну, и чтобы весна встречалась с настоящей радостью, месяца три потерпеть можно. Но полгода – явный перебор. Вся жизнь замирает, и апатия полная.

В общем, когда в пятницу все прогнозы сошлись в одном: не минус и без осадков, мы решились.

Позади уже мост через Томь, отрезок шоссе вдоль берега и ручей с антично-тюркским названием Люскус; теперь Михина «демио» с удивительной

резвостью штурмует затяжную горку: уже пятнадцать лет в России, а всё продолжает демонстрировать корпоративное рвение. «Я успел взять её, когда проклятые капиталисты ещё не научились делать плохие машины», – объясняет Миха. Хотя сам однажды чуть не изменил ей с молодым «фордом» из Канады. Но сделка сорвалась, и старушка «мазда» словно обрела второе дыхание, поняв, что никто не спешит её в утиль, пока она сама не взмолится. А мы сегодня уж точно не потребуем. Сегодня мы легче, добрей и беззаботней обычного раза в четыре.

Золотая осень за городом – только ради этого уже стоило выехать. Берёзы жёлтые, рябины бордовые, трава кое-где ещё зелёная, а на серебристой облепихе слева на откосе ягоды ярко-оранжевые. Вот бы выйти вечером втихушку и, замирая под редкими фарами, набрать целое ведро. И потом наделать варенья, разводить морс и дуть его – прямо горячий! – долгими зимними вечерами... Дурак, что ли, такое добро переводить? Масло из неё гонят. Облепиховое масло – лучшее средство от ожогов. А если бражку поставить? Противоожоговая бражка: пьёшь – и буксы вообще не горят! Это знаешь кому надо – факирам, которые глыкают керосин и потом выдувают пламя. А-а, так вот откуда взялось слово «керосинить»! Настроение у всех

приподнятое, все болтают без умолку, и среди всех этих окружающих красот возбуждённость какая-то особенно весёлая и праздничная. Все в предвкушении.

С кольца уходим вправо, и Миха выключает двигатель: теперь до самой Жургавани можно докатиться и так. И дело не только в экономии топлива (Миха гораздо больше энергии тратит, отбиваясь от наших шуточек) – это такой ритуал, маленький фокус, маленькое испытание: получится или нет? В этот раз получилось, и это хороший знак.

А вот и ещё лучше: дом, уже законсервированный было на зиму, пока не обворован, даже, похоже, вообще не наведывались, на месте даже бумбокс, тупо оставленный на веранде.

– Только Тане о нём не говорите, – просит Миха. – Это я последним дверь закрывал, забыл спрятать под матрасами.

– Обалдел, что ли? – говорит Данька. – Там же первым делом найдут. Буханут, завалятся спать и сразу наткнутся! И устроят свальный грех под радио «Шансон», представляете?

Он начинает смеяться. Точнее, заливается тонким смешком, заходится от хихиканья, аж согнулся, и слёзы выступили. Мы с Михой переглядываемся: и когда успел? Наверное, пока мы дверь открывали и таскали провизию, а он отходил за угол «вдохновиться природой, так, по-маленькому».

Главная проблема таких субботних выездов – правильное использование времени. Темнеет уже рано, и нужно твёрдо решить, когда усаживаться за стол: сразу же (и значит, с концом) или сначала элегически погуляв по лесу. Если бы здесь были наши жёны, всё прошло бы эстетичней и безопасней для здоровья. А так может получиться и некрасиво, и очень вредно.

С другой стороны, всё это женское стратегическое планирование, эти санитарно-бытовые условности и прочие рюшечки-салфеточки – в День закрытия сезона как-то особенно излишни. Это суровый мужской праздник. Желательно без свинства, конечно, но всё-таки.

Посоветовавшись, решаем так:

1. Распаковываемся.
2. Затапливаем печь.
3. Действуем по обстановке. То есть по настроению.

Но сначала, конечно, надо выпить. А до того решить вопрос с Данькой. Профилактическую (откровенную) беседу с ним заранее мы не успели провести. Может, сейчас ещё сработает? Сразу очистить совесть, чтобы потом не возвращаться.

– Дань, тут вот какое дело... В общем, мы договорились... – осторожно приступает Миха, но потом чувствует, что переборщил с дипломатией, и начинает говорить нормально: – Ты не обижайся, но мы тебе сегодня наливать не будем, даже не проси. Сами выпьем немного (надеюсь), а тебе не дадим. Мы же не фашисты. Тебе правда нельзя.

Данька, надо отдать ему должное, всего пару секунд выглядит уязвлённым, а потом великодушно включает клоунаду – бросается к нам с объятиями и восклицаниями: «Спасибо, друзья, спасибо! Вы спасли меня!»

– Ладно, чего уж, – тоже пытается играть Миха. – Мы тогда и закуску твою съедим, хорошо?

– Вот! – сразу ухватывается Данька. – Вот я вас и вывел на чистую воду – на чистую водку! Давайте, жрите мою вкусненькую, трескайте мою закуску! Может, вам ещё и женщину мою предоставить?! И Родину продать?!

Надо как-то его успокоить, и я напоминаю о печке. Данька всегда хвастается, что лучше нас подготовлен к жизни, больше умеет по хозяйству. И это правда: в своём шахтовом посёлке в своем доме он ту же печку с детства топил.

Сейчас Данька с удовольствием помыкает нами: меня отправил выбросить золу, а Миху – расколоть поленья, имеющиеся-де слишком велики. Всегда и такие годились, но Миха не спорит, послушно берёт топор.

– Учитесь, дети асфальта! – покрикивает Данька, раздирая газеты по сгибу, комкая листы и засовывая их в печь. – Учитесь, пока я живой!

Рукава у него закатаны, вид ужасно довольный, и если бы не жёлтые склеры, улыбка была бы, как прежде, неотразима – и озорная, и тёплая одновременно.

Минут через двадцать в доме уже тепло. Даже, наверное, слишком: Данька сразу зафигачил несколько шумовок угля.

– А весло здесь есть? – неожиданно спрашивает он, оглядывая стены.

– Ты греблей академической решил в бору заниматься?

– Ты не знаешь, что такое весло? Музыканты так гитару называют. А парнас? Знаешь, что это такое? Только на первый слог ударение.

– Ну, наверное, барабан. Или бас-балалайка.

– Смешно. Нет, это такой концерт за деньги. Когда можно заказывать песни.

– Ты думал у нас тут чёс устроить? Так зрителей маловато. А мы с Михой и сами тебе что хошь споём, причём сдемпингуем по цене.

– Он нам ещё заплатит, чтобы мы замолчали, – радостно поддерживает Миха.

Всем известно, как противно он поёт.

– Нет, правда нет гитары? – спрашивает Данька. – По-моему, была же.

Миха поднимает брови: Данька и правда не помнит. Сам же сломал весной, забирал в город, да так и не вернул.

– Ладно, хватит языками трепать, – говорю я. – Надо же вас отпиндюрить наконец-то – на Суперкубок закрытия сезона, а то ходите такие неотпиндюренные. А до этого ещё с лесом по-прощаться. Мих, ты идёшь? Ненадолго.

Миха изображает лёгкий позыв к рвоте: такие бессмысленные занятия не для него. Он лучше с книжкой повалается.

– Дань, а ты переодеваться не будешь? Хотя в лесу сейчас сухо – можно не переодеваться. Бери тогда корзину, два ножа. Что ещё?

– А ты думаешь, грибы ещё есть? – загорается Данька.

– Да вряд ли: уже заморозки на почве были. Но чем чёрт не шутит? Грузди под землёй ещё могли остаться. Но лучше не надеяться.

– А помнишь, мы опята из-под снега откапывали?

Конечно, помню, хотя насчёт «откапывали» он слегка приукрасил. Но снег тогда и вправду выпал – первый, пушистый, почти невесомый. И на шляпках опят он действительно смотрелся фантастично. Редкий кадр для воспоминаний на всю оставшуюся жизнь.

– Ну, давай, пока этот промысловик собирает-ся, – наливает Миха в две рюмки и кладёт на два куска хлеба по кружку колбасы. – Чего там грибникам желают: ни моха, ни поганки?

До этого мы выпили «за открытие закрытия сезона» – ещё когда печка растапливалась, и всего по одной. При Даньке всё же как-то неудобно. И сейчас выпиваем не то чтобы торопливо-воровато, но чуть быстрее, чем требуется.

– Сколько вас не будет? – спрашивает Миха. – Мне надо знать, когда лапшу ставить.

– Полчаса – час максимум. Тренируйся пока. Каре и покер в заказ отработай: что-то в последнее время даже неинтересно тебя обыгрывать – такой уровень низкий.

– Ой-ой-ой! Сегодня ты увидишь наконец настоящую игру. Ты поймёшь, что зря на свет родился: такого мастерства тебе никогда не достичь!

– Ну-ну. На табло потом всё будет написано.

Лес молчалив и пуст, даже опустошён – отдыхает после насыщенного лета. И ещё словно немного обижен, подавлен, удивлён: что это с ним стряслось и что дальше будет? Так голые призывники стоят перед хирургом на медкомиссии: вроде бы и не самый страшный момент, а всё равно тревожно. Там, впрочем, ещё и напускная весёлость присутствует, бравада. А здесь – нет: всё всерьёз, неизбежность в чистом виде, после осени совершенно точно будет зима.

Мы идём по свободной тропинке (раньше она была сильно заросшей с боков) до первой поляны с большой густой сосной: именно она (хотя по виду – явно он, кряжистый и мощный) в округе всех главнее. Как-то давно Данька классно сострил, что это дерево здесь «держит шишку», и с тех пор он тоже любит сюда ходить, пусть и сейчас почувствует, вдохнёт настроения. Но он будто не узнаёт этой поляны, даже не приостанавливается, и приходится его окликать.

– Зайдём на минуту? – предлагаю я.

Осиновая поросль по краю уже совсем без листьев, все они на земле. Внутри леса почти то же самое, даже если и остались где грибы, трудно будет их разглядеть. Мы углубляемся всего на несколько шагов, и Данька чуть ли не у первой же берёзы заводит свою канитель. С ума с ним сойдёшь: выбирает одно место (особенно если найдет что-то, даже несчастную сыроежку), садится на корточки и начинает траву вокруг разгребать – и так буквально по квадратному дециметру. Обычно ещё очки надевает, хорошо, что сейчас их не взял.

– Да нет здесь ничего: всё сухо, – убеждаю я его, но это бесполезно: пока сам не убедится, никуда не сдвинется.

Ладно, лес сейчас прозрачный, видно далеко, не заблудится. И я его издали буду видеть.

Я снова выбираюсь на тропинку, ведущую к выходу из бора. Оттуда вид хороший: поля, колки, простор. Этой мой личный бзик – постоять там и попрощаться с лесом до следующего года, поблагодарить его. Да я и вообще всегда, если один возвращаюсь, даже не набрав ничего – ни грибов, ни папоротника, ни ягоды, ещё и кланяюсь ему – но это только если никто не видит.

Там ещё берёза есть удобная: один из стволов изогнулся почти параллельно земле, можно посидеть, отдохнуть.

Я успеваю выкурить сигарету и прочесть вслух подобающий стих (уж небо осенью дышало и так далее – и здесь, кстати, он лился особенно выразительно), а Данька всё не подходит. И куртка его красная на прежнем месте уже не маячит.

Я направляюсь назад. Потом прибавляю шагу. Куда он мог запропасться?

– Дань! Да-ня! – кричу я.

– Да здесь я, чего орёшь? В лесу, что ли?

Он стоит за деревом. Я подхожу:

– Неужто правда что-то нашёл? Грузди?

– Да какие грузди. Грусть, сплошная грусть...

Фляжки в руке не видно, но этот свежий запах изо рта ни с чем не спутаешь: три секунды назад – дешёвая водка из горла, причем не один глоток.

– Ладно, возвращаемся, – говорю я. – Грибов теперь до начала мая не будет.

– Странно, – удивляется он. – Я был уверен, что наберём море. Было такое чувство.

Миха уже сервировал стол. Посуда, правда, пластиковая, зато всё остальное от души. Обед из трёх блюд: лапша с тушёной, колбаса с хлебом и фирменная Михина солёная кунджа (утром засолил, а сейчас уже можно есть, большие куски буквально тают во рту). Миха вообще самый правильный повар: не выпендривается с изысками и редкими ингредиентами, а из обычных гарантированно делает хорошо. Вот и сейчас мы с ним легко уминаем (ещё бы – на свежем-то воздухе да с водочкой!) по две тарелки. Только Данька поклевал совсем немного, говорит, что больше не хочет.

– А теперь – генеральный покер! – провозглашает Миха. – Матч за звание лучшего игрока сезона. Пусть победит сильнейший (то есть я), а проигравшие горько плачут и сетуют на судьбу! Трепещите!

Он отодвигает лишнюю посуду на край стола, в центр кладёт три ручки, листки с отпечатанными таблицами, потом кубики. Один при этом падает на пол и откатывается в дальний угол веранды. Спасибо, что не в щель и находится сразу.

– Подождите! – говорит вдруг Данька. – А хотите – стих прочитаю? Так, навеяло...

– О, конечно! Это песня? Новую написал? – радуемся мы с Михой.

Игра никуда не денется, а он давно не писал ничего, говорит, что нынешние гнусные реалии не располагают к творчеству.

– Нет, музыку ещё не навеяло... А что, здесь есть весло?

– Нет, так читай.

Данька встаёт, прочищает горло, смотрит вперёд-вверх – необычно серьёзно. А потом вообще закрывает глаза.

– Называется «Наши мамы не брили подмышек».

– О, про порнушку? – оживляется Миха. – Интересно-интересно!

– Это что – дурка такая антигламурная? – смягчаю я. – Давно пора.

Как у всякого приличного артиста на вольных хлебах, у Даньки в репертуаре с десятков безотказных дурок – переделанных песен на известные мелодии: или просто ржачные, или к месту похабные, или даже остро-политические. Например, самая короткая – из двух строчек, на мотив «Я хочу быть с тобой» Бутусова: «Я пытался уехать в Израиль. Я брал острую бритву и правил себя...» И публика, конечно, от хохота сползает со стульев. Так что это очень полезное наследие кавээновского прошлого и знакомства с легендарной «Канторой братьев Дивановых». Вся наша компания давно знает эти дурки наизусть.

– Нет, это такое... конц-центрированное. И концептуальное. Слушайте внимательно. И потом не говорите, что не слышали. Только попробуйте – я вот вас!

Он показывает нам кулак. Потом снова замирает. И, наконец, начинает громко, да ещё и нарочито нажимая на сонорные:

*Наши мамы не брили ни ног, ни подмышек,
Ни тем более что-то ещё.*

*Нам хватило двора и зачитанных книжек,
Чтобы выучить гамбургский счёт.*

*Нам хватало смолы, «марсов» нам не светило,
В прикуп нам не вложили туза.*

*М-м... та-та та-да-та и хозяйское мыло
Нам на всё продирало глаза.*

Он открывает глаза и подозрительно оглядывает нас:

– Ну и как? Аплодисменты, пожалуйста, аплодисменты, не стесняйтесь!

– Ты специально сказал «хозяйское» мыло, а не «хозяйственное»? – мягко интересуюсь я. – Как бы такая аллюзия: хозяин – Сталин – ГУЛАГ и прочая гадость?

– Ну, типа того. Хотя моя бабушка так и говорила: хозяйское.

– А «смола» что такое? – спрашивает Миха. – Это насвай?

– О-о-о, да ты и смолы даже не жевал? О чём с тобой говорить, хороняка! Профессорский сынок! А хотя бы бензин ты нюхал?

– Я понял – это такой портрет поколения, – переключая я внимание на себя. – Как «Час зачать я помню неточно».

– Вот! Молодец, понял! Портрет потерянного поколения. А кто его потерял и куда – откуда я знаю? Я музыкант, моё дело – петь. Просто выходить и петь правду. Вот! Я придумал для вас тост! Давайте выпьем за правду!

Мы с Михой тоже встаём. Ясно, что, даже если бы он предложил тост за бессовестное враньё, мы поднялись бы с неменьшим энтузиазмом и важностью – лишь бы у него так же сильно звучал голос, лишь бы он так же напоминал себя прошлого.

Себе подливаем водку, а Даньке – минералку без газа. Так что со стороны всё это выглядит не слишком для него унизительно.

Начинаем хорошо: воодушевление, подначки, традиционные фразочки («Сейчас будет избивание младенцев!», «Может, вам гандикап предоставить?», «Поплачь-поплачь, камни слезу любят»). В общем, всё именно так, как нужно. К тому же Данька почти сразу бросает покер в заказ на четвёрках – и это придаёт ему уверенности, куража.

Но в том-то и опасность: ходов через десять, когда ему перестаёт везти, он начинает рисковать напрапалую и даже глотничать – какое уж тут удовольствие от игры?

И сама игра скоро становится бессмысленной, потому что Данька, потеряв шансы на победу, постоянно отвлекается, дурачится и просто ноет: ему, видите ли, надоел наш классический покер и хочется «укороченного». Он сам когда-то его придумал (бросать только комбинации) и сейчас упёрся рогом.

– Ну, долго всё это, муторно! Уже бы пять раз успели сыграть!

Это попахивает богохульством, расшатыванием устоев. Мы с Михой всё-таки настаиваем, что партия должна быть доиграна. Это же Суперкубок, победитель войдёт в историю!

– Знаешь, что вошло в историю? Как мы при лучинах играли! – возражает Данька, хотя никто и не спорит.

Да, было такое однажды тоже осенью, когда по всем дачам вырубил свет. Игра в самом разгаре, а тут тьма кромешная. Не найдя свечей, мы свили фитиль из каких-то шнурков, положили его в блюдце с постным маслом, зажгли. Огонёк появился, но ненадолго: от перегрева блюдце лопнуло. Тогда мы натесали кучу лучин (причём наверняка неправильных: прогорали они слишком быстро) и всё-таки доиграли партию. А когда проснулись утром – ахнули и смеялись долго: весь белёный потолок и все наши рожи были в копоти!

Кое-как дотягиваем до конца. В итоге – случайно, разумеется, и незаслуженно – выигрывает Миха. Данька же последние ходы откровенно занимался хернёй: ловил только покер в свободе, вычеркнул всю колонку вверх по ходу, но гнул своё. И пару раз был близок, жаль, что не получилось.

Он встаёт, даже не сосчитав сумму, просто хлопнув ручкой по столу:

– Тренируйтесь, вторая лига! Когда захотите научиться играть – обращайтесь. Так уж и быть, проведу мастер-класс!

Он ненадолго скрывается в комнате, выходит и начинает надевать куртку.

– Ты до ветру? – говорю я. – Я тоже.

Данька оборачивается и смотрит на меня с напряжённым недоумением:

– А зачем?

– Зачем я хочу выйти помочиться? Потому что в доме не очень удобно.

– Нет, зачем ты пасёшь меня весь день? Займись уже чем-нибудь поприятней: музыку красивую послушай, водку вкусную попей...

Он смотрит на меня прямо и почти враждебно. Я смотрю на него прямо и без привычного уже сюсюканья «ах, чтобы не задеть». Прямо дуэль какая-то. Сейчас схватимся за дрекольё и начнём фехтовать.

– Слушай, что мы играем в какую-то дебильную игру? – говорю я.

115

Именно я. Кто-то же должен это сказать.

– Он так и будет прикладываться по углам, как школьник? – объясняю я Михе. – Давай наливать ему понемногу, хоть закусывать будет нормально и не прятаться с конфеткой.

Миха молчит, нахмурившись. Он так всегда: чуть какой конфликт – сразу становится вяло-печальным и замирает, будто закрывается изнутри. Просто он, в отличие от меня, не любит никого воспитывать. А Данька наблюдает за нами насмешливо, этот чёртик в его глазах уже проснулся и теперь не заснёт пару часов.

Да нет, меньше. Уже вскоре он сникает и покорно даёт себя уложить. Мы стелем ему на веранде: здесь прохладней, так быстрее очухается, утром легче придёт в себя. Какая наивность!

Миха растолкал меня ночью:

– Он домой собирается.

Я включаю свет. Всё выглядит какой-то ненужной выдумкой. Данька уже сидит на диване одетый, возится с обувью.

– Ну что ты такое выдумал? – говорю я. – Ну куда ты сейчас? Никто же сюда не приедет.

– Да всё нормально, что вы всполошились? – Он тоже старается говорить легко, убедительно, но языком ворочает с трудом. – Мне просто надо

домой, просто надо домой.

– Вот прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

И взгляд такой преувеличенно твёрдый.

Только каким-то чудом, измором, большим актёрским мастерством с нотками искренней паники нам удаётся его отговорить. Но в комнате с нами он соглашается лечь только одетым. Хорошо, что Миха (я ещё не спал, услышал) потихоньку запер дверь на ключ.

Пока с утра взад-вперёд ходили отлить-курить-пить кофе, дом успел выстудиться, а затапливать заново, если скоро собираемся уезжать, как-то неэкологично, да и просто лень.

– Может, на обрыв сходим, на ближайший, прогуляемся? – спрашиваю я.

– Да, надо продышаться. Я, чувствую, ещё тяжеловатый, – признаётся Миха.

– Идите-идите, – хрипло говорит Данька.

Он сидит взъерошенный, закутавшийся в одеяло, громко швыряя, пьёт чай, даже не вытащив из чашки пакетик, и точно никуда не пойдёт.

– Конечно, идите, бросайте меня одного. В дикой чаще. На растерзание лютым зверям.

Когда мы вернулись, он спал, отвернувшись к стене. Прямо возле кровати на полу стоял пустой мерзавчик: то ли он забыл его спрятать, то ли уже не посчитал нужным.

С Притомского проспекта к дому Даньки нет поворота налево. Ему с перекрёстка пройти метров двести, но он требует, чтобы Миха его довёз. То ли слишком устал, то ли за большие заслуги. Бормочет что-то невнятное, с трудом очнувшись совсем недавно, уже в городе.

– Какой ты противный стал, капризный! – не выдерживаю я.

Потому что достал! Михе потом полчаса кружить надо будет.

– А вы что, куда-то торопитесь? – нахально спрашивает. – Тарапиц не на-а-адо, тарапиц не на-а-адо...

– Да заедем, не проблема, – говорит Миха.

– Может, я хочу побыть с вами подольше?

116 Ещё больше обогатиться духовно! Хотя куда уж больше? – говорит Данька и опять начинает мелко хихикать: он так только недавно начал, раньше такого не было.

«Да ты давно уже не с нами», – думаю я, но вслух говорю другое:

– Если будешь таким же капризным, хрен-то мы возьмём тебя в следующий раз – на открытие сезона.

Это я вроде как пошутил. И выразил сдержанный оптимизм. И это были последние слова, которые я сказал другу в глаза, последующие редкие отчёты по телефону («А ты как?» – «А ты?») не в счёт.

Нет, когда он вылез из машины возле своего подъезда, такой сосредоточенный и жалкий, я же наверняка сказал что-то ещё: «Счастливо» или «Будь здоров».

А надо было сказать честнее: «Прощай и прости».

